Мясников А.А. ©

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии, Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Аннотация

В статье предпринимается попытка определить место политической антропологии в системе современных гуманитарных наук. Рассматривается предмет политической антропологии, история возникновения, взаимосвязь с другими научными дисциплинами, а также наиболее актуальные направления исследований.

Ключевые слова: «антропология», «политология», «политическая антропология», «этнография».

POLITICAL ANTHROPOLOGY IN THE SYSTEM OF MODERN HUMANITIES

Summary

The article tries to define the place of political anthropology in the system of modern humanities. Examines the subject of political anthropology, history, relationship to other scientific disciplines, the most topical areas of research.

Keywords: “anthropology”, “political science”, “political anthropology”, “ethnography”.

В XX веке сознание человечества прошло ряд кризисных этапов в своем развитии, остро реагируя на многообразные проявления социально-экономических, политических и духовных изменений. В целях их осмысления возникала все большая необходимость в поисках новых научных подходов для изучения социума, а также потребность в междисциплинарных исследованиях, мобилизующих подходы истории, социологии, философии, антропологии и культурологии. В этой связи политическая антропология, являясь относительно новой в системе гуманитарных наук, на сегодняшний день признается одним из наиболее актуальных исследовательских направлений.

Современная политическая антропология уходит своими корнями в интерес социально-культурной антропологии к политике, политической организации, природе властных отношений. Более того, теоретико-методологические основы дисциплины антропология самоидентифицируются с этнографией, которая до настоящего дня по классификации ВАК остается поддисциплиной исторической науки. Однако само понятие «антропология» в науке давно уже обрело амбивалентный смысл. Помимо дисциплинарного обозначения появились теоретико-методологические подходы в других дисциплинах, связанные с комплексным изучением феномена человека (философская антропология), с изучением истории повседневности, историко-культурного контекста различных сообществ (историческая антропология) и др.

Политическая антропология, в отличие от других социогуманитарных наук, занимающихся изучением политической сферы, традиционно сосредотачивала свое внимание на доиндустриальных обществах. Ее становление как относительно самостоятельной дисциплины происходило в процессе изучения «примитивных» социумов. До недавнего времени политическая антропология как самостоятельная субдисциплина в рамках социальной антропологии или этнографии отсутствовала в учебных планах российских образовательных учреждений. Впервые в качестве спецкурса по выбору она

стала преподаваться в Санкт-Петербургском государственном университете в 1994 году. В то же время на Западе политическая антропология имеет глубокие научные традиции и неизменно включается в число обязательных дисциплин, преподаваемых на антропологических факультетах, число которых в последние десятилетия стремительно растет [1].

Долгое время политическая антропология выступала как антропологическая дисциплина, изучающая народы мира с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике. Наряду с политической социологией, политической философией, политической психологией, политологией эта научная дисциплина занималась исследованием сферы политики, но трактовала ее гораздо шире. Если выше обозначенные дисциплины в основном сводили власть к специализированным институтам управления, то политическая антропология рассматривала ее как отношения доминирования, представленные на всех уровнях общественной иерархии, включая межличностные отношения.

Горизонты политической антропологии постоянно расширялись по мере эволюции и усложнения, как самого общественного процесса, так и по мере развития самой дисциплины и совершенствования ее методов. Несомненно, было бы правильно сказать, что реальный мир определяет содержание политической антропологии, и в равной мере антропология конструирует мир, в котором пребывают и отправляют свое знание антропологи. Такой более сложный подход по сравнению со старой констатацией, что этнология и антропология нужны, чтобы лучше управлять, все больше распространяется в современной науке. Задача политической антропологии обусловлена необходимостью изучения культурно-хозяйственного быта, социальной системы, обычаев, идеологических представлений архаических народов для более глубокого понимания основ властных отношений в современном обществе.

При этом мы должны понимать, что объект исследования политической антропологии, а именно, власть и властные отношения в обществе практически совпадает с объектом уже существовавших наук, в частности, политологии. Сейчас политическая антропология преимущественно заимствует понятийно-категориальный аппарат из политологии. Ключевым является понятие власти, широко используются веберовские понятия «традиционной», «харизматической» и «рационально-правовой» власти. Также центральными темами дисциплины являются проблема гегемонии, статуса личности, равенства и неравенства.

Исходя из того, что власть является предметом исследования, как политологии, так и политической антропологии, есть соблазн определить политическую антропологию как раздел политологии, специализирующейся на изучении «примитивных» (т. е. первобытных) обществ. В то же время в ряде стран антропологию было принято считать отделом социологии, которая изучает первобытные и традиционные общества (отчасти такое понимание характерно и для современной российской социологии). Даже там, где за антропологией признается самостоятельный статус, подчеркивается ее генетическое родство с социологией. Определяя, в частности, место антропологии в ряду гуманитарных дисциплин, Т. Парсонс подчеркивал, что предметом ее изучения являются в основном социальные структуры, символы и процессы «применительно к их культурным условиям», в особенности в отношении к «простейшим» общественным системам.

Однако между политологией и политической антропологией имеются и существенные различия. Прежде всего, в отличие от историографии и политологии, политическая антропология обращает больше внимания на политический процесс, чем на политическое событие, и на такую форму человеческой активности, которая носит больше публичный характер. А ко всему, что носит публичный характер, что характеризуется обязательным наличием целей, как групповых, так и индивидуальных, можно применить слово «политическое». Данное обстоятельство позволяет политической антропологии не ограничиваться только изучением политических институтов своего рода циклических или

статичных обществ в структурно-функциональных терминах, чем антропология и политология занимались многие десятилетия. Здесь возможен перенос внимания с «общества» на политическое «поле» в пространственно-временном континууме, т. е. в историческом времени [2].

Кроме того, современная политическая антропология включила в свой арсенал не только вопросы социальной истории повседневности и политическую экономию, но и вопросы «символического капитала», массовых информационных воздействий и неформальных сообществ как важнейших элементов политического поля и системы власти, а также самого существования культурно-сложных сообществ [3,73].

На современном этапе политическая антропология с ее научными традициями не только продолжает служить основным инструментом познания власти и властных отношений в обществах, сохранивших до настоящего времени мощный архаический субстрат, но и, по мнению В.В. Бочарова [4], имеет немалый потенциал для исследования некоторых аспектов подобных отношений в индустриальных или постиндустриальных системах и, таким образом, может существенно обогатить наши представления о политическом процессе.

Также политико-антропологические методы могут быть продуктивно использованы для изучения российских политических реалий.

Во-первых, наблюдения антропологов дают все основания заключить, что современное индустриальное общество сохраняет типы отношений, характерные для начальных этапов социогенеза.

Во-вторых, что особенно актуально для российской истории, тоталитарные режимы особенно актуализируют архаические формы организации власти (ее сакрализация, гипертрофия роли политических символов и ритуалов, которым приписываются магические функции и др.). Эти же модели составляют пласт неформальных норм, действующих среди членов политических институтов и организаций. Анализ же советской и постсоветской политической жизни также отчетливо свидетельствует о том, что архаические принципы организации властных отношений во многом определяли и продолжают определять российскую политическую культуру [4,53; 5]. Методы политической антропологии вполне могут быть продуктивно использованы при изучении советских политических институтов, правящей элиты и социально-психологического портрета рядового коммуниста.

В-третьих, именно Россия является ярчайшим примером бессознательного воспроизводства традиционной политической культуры. О сохранности в нашей поведенческой культуре архаических моделей писал Л. А. Тихомиров: «Сравнение исторически известных личностей и деятелей, сравнение песен, пословиц и т. д. несомненно убеждает, что в общем русский народ XX века в высшей степени сходен с народом XVII века. Едва ли французы или англичане, за те же 200 лет, представляют больше сходства между предками и потомками, чем русские, несмотря на то, что эти нации этнографически почти не изменились, а русские беспрерывно впитывали огромные потоки чужеродных элементов» [6]. Например, «помазанник божий» при монархии, «генеральный секретарь» при социализме и президент при демократии являют собой много тождественного, а отношение к власти управляемых во все времена основывалось на иррациональных мотивациях [4,54].

В завершение статьи можно сделать следующие выводы:

1) Политическая антропология - это дисциплина, которая граничит не только с историей, но и социологией, и политологией.

2) Все больше отходит на второй план представление, что политическая антропология изучает только системы властно-управленческих отношений в «традиционных обществах» и ранние формы политических институтов.

3) Антропологические подходы имеют большие перспективы при изучении современности. Политантрополог, пользуясь антропологическими (этнологическими, этнографическими) методами, может продуктивно изучать механизмы власти и контроля не только в доиндустриальных, но и в современных обществах. Особую ценность его

исследованиям придает широкое использование сравнительно-исторического метода и возможность понять незападные политические системы изнутри, без навязывания им политологической и социологической терминологии, разработанной на примере цивилизации Запада.

4) Политико-антропологические подходы могут быть продуктивно использованы для изучения советской политической системы и ее субъектов, а также современных российских политических реалий.

Литература

1. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.
2. Political Anthropology. Introduction / Eds. M. Swartz, V. Turner, A. Tuden. Chicago. 1966.
3. Тишков В.А. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 4.
4. Бочаров В.В. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 4.
5. Бочаров В.В. Иррациональность и власть в России // Потестарность. СПб. 1997.
6. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб. 1992.
7. Бочаров В.В. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2.
8. Баландье Ж. Политическая антропология / Пер. с фр. М. 2001.